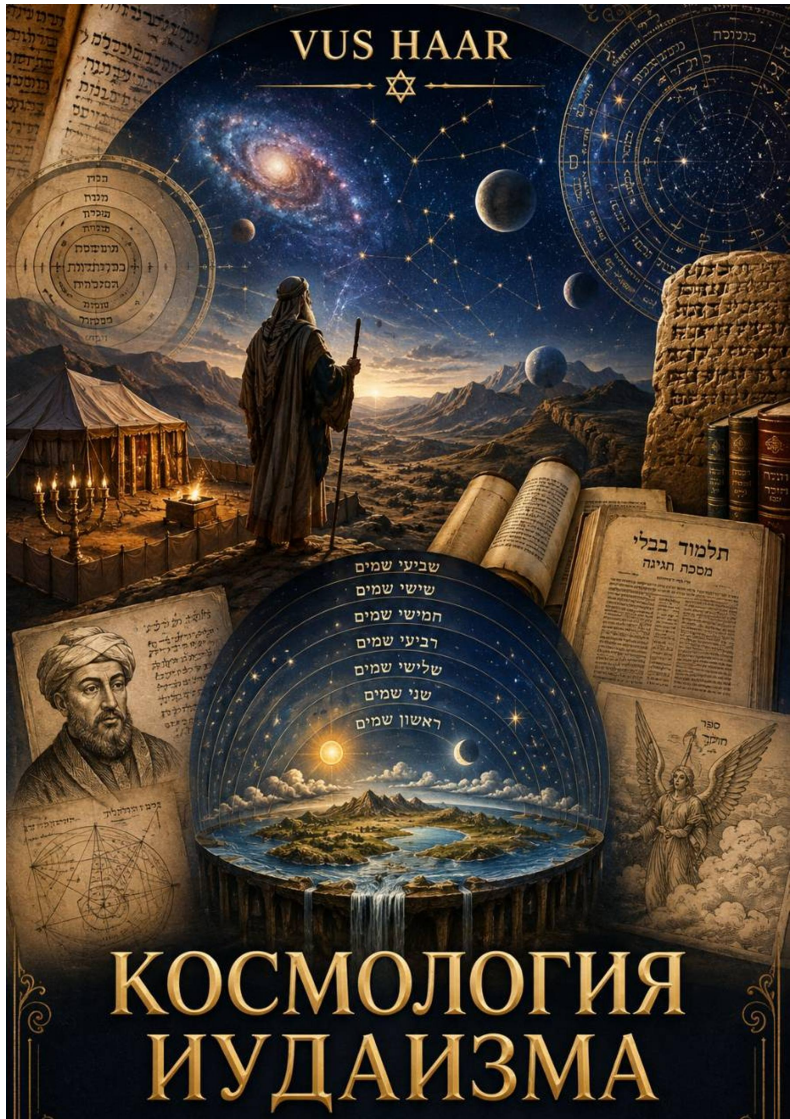

VUS HAAR

КОСМОЛОГИЯ
ИУДАИЗМА

VUS HAAR

Космология иудаизма

**Серия «Древние цивилизации о
космологии и астрономии», книга 26**

<https://litres.ru/74289612>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Космология иудаизма» исследует путь еврейского космического сознания от шатров праотцев до современных обсерваторий, от вавилонских табличек до страниц Талмуда и выкладок Маймонида. Эта книга — попытка услышать, как древний народ находил в ночном небе живые письма, обращенные лично к нему.

В книге соседствуют этнография и астрофизика, литургия и геометрия, миф и точный расчет. Автор разбирает не только верования, но и научные знания: измерения, вычисления и споры разных эпох. Вы узнаете, почему суббота начинается с заходом Солнца, как устроены семь небес и что общего у скинии с моделью мира. Книга показывает многослойность толкований и живую ткань поиска, объединяющую библейское «Бытие» и теорию Большого взрыва.

Издание адресовано не только историкам или богословам, но и каждому, кто видит в звездном небе текст, требующий

прочтения. Это приглашение в захватывающее интеллектуальное путешествие длиной в три тысячи лет.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Земля обетованная и звёздное небо над ней: географический и небесный горизонт древнего Ханаана	9
Глава 2. Между Евфратом и Иорданом: как среда обитания формировала первые представления о мироздании	21
Глава 3. Кочевники и звездочёты: астрономические знания семитских племён до исхода из Египта	36
Глава 4. Египетское пленение и небесная наука: чему научились евреи у строителей пирамид	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Космология иудаизма

Пролог

Однажды, в летнюю ночь, стоя на плоской кровле старого дома в Цфате, я поймал себя на мысли, что смотрю на те же звёзды, что видели пророки, таннаи, амораи и каббалисты. Но видели ли они их так же, как я? Для меня Млечный Путь — скопление миллиардов солнц, туманности — фабрики новых миров, а мерцание планет — всего лишь отражённый свет. Для них же это были ангельские воинства, небесные врата, столпы мудрости и знамения судеб. И тогда я понял: космология — это не раздел астрономии, это зеркало культуры. Еврейский народ, рассеянный по земле, носил в себе не только Тору, но и карту неба, которая менялась от Вавилона до Испании, от Польши до Эрец-Исраэль. Но странное дело: эта карта никогда не была единой. Одни мудрецы считали, что мир имеет форму коробки, другие — что он подобен шатру, третьи — что он бесконечен. Одни видели Солнце колесницей, объезжающей мир снизу, другие — горящим шаром, движущимся по наклонной орбите. В этих спорах, в этих вычислениях, в этих дерзких вопросах («Почему Луна убывает?» — «Потому что она была наказана») сквозит не наивность, а удивительная свобода мысли. Человек Торы не боялся спрашивать, он боялся лишь одного — остановить-

ся. И я решил написать книгу, которая бы не упорядочивала этот хаос, а показала его как живое, дышащее целое.

Зачем вообще писать о космологии и иудаизма сегодня, в век телескопов и космических зондов? Затем, что даже самые точные данные не отвечают на главный вопрос: зачем мы здесь и есть ли у Вселенной смысл? Еврейская традиция предлагает не ответы, а способ задавать вопросы. Она учит, что небо — не бездушная машина, а творение, которое поёт хвалу. Она учит, что законы природы — это не случайность, а договор. Она учит, что человек, изучающий звёзды, не просто собирает факты, а выполняет заповедь. Эта книга — моя попытка восстановить ту нить, что связывала созидание мира с повседневной жизнью: от благословения на новолуние до сложнейших расчётов праздничного календаря. Я хочу, чтобы читатель почувствовал, как билось сердце этого народа, когда он смотрел в небо, — и как это сердце продолжает биться в каждом из нас, даже если мы смотрим на те же звёзды через стекло и железо.

Структура работы строится не хронологически строго, а тематическими волнами: мы начинаем с земли, с почвы, с песков и холмов, на которых формировался взгляд наверх. Затем поднимаемся к небу — через тексты, артефакты, обряды. Затем спускаемся обратно, в быт, в календарь, в астрологию и в её запреты, в повседневность, где космос был не абстракцией, а временем молитвы и временем посева. И наконец, мы делаем рывок в сегодняшний день, чтобы уви-

деть, как древние идеи отзываются в современной физике, философии и даже в поисках тёмной материи. В каждом разделе я старался избегать сухости — потому что сам предмет этого не терпит. Здесь будут и длинные экскурсы в библейскую филологию, и детальные разборы талмудических дискуссий, и зарисовки из жизни средневековых обсерваторий, и даже попытка расшифровать астрономические намёки в пиятах. Я сознательно отказываюсь от деления на подглавы — пусть каждая часть будет цельным потоком, как река, которая несёт свои воды, не делясь на плёсы.

Одна из главных трудностей, с которой я столкнулся, — это разговор о «богах». Иудаизм строго монотеистичен, но это не значит, что небесные светила не персонифицировались. Солнце, Луна, звёзды — они названы «воинством небесным», они служат Всевышнему, но в народных верованиях порой обретали почти самостоятельную силу. Мы проследим эту тонкую грань между поклонением и почитанием, между астрономией и астрологией, между знанием и верой. Также мы уделим особое внимание письменным источникам: не только ТаНаХ и Талмуд, но и апокрифы, кумранские свитки, труды Саадии Гаона, Авраама ибн Эзры, Герсоида, Маймонида и многих других, чьи работы по сей день лежат в тени богословских трактатов, хотя по сути являются первостепенными астрономическими документами. Мы не обойдём стороной и каббалистическую космологию, где сфирот и парцуфим оказываются не просто метафорами, а

моделями вселенских слоёв, совпадающими с некоторыми современными гипотезами о многомерности.

И последнее: эта книга написана не для того, чтобы доказать или опровергнуть что-либо. Она для того, чтобы расширить горизонт. Когда вы прочитаете её, возможно, вы уже не сможете смотреть на Луну как на безжизненный спутник — вы увидите в ней «малую светило», которое было уменьшено за свою гордыню, но которому тоже обещано восстановление. Возможно, вы перестанете воспринимать субботу как просто день отдыха, а увидите в ней космическую паузу, остановку творения, которую сам Всевышний вписал в структуру времени. И возможно, вы согласитесь со мной, что космология иудаизма — это не мёртвый груз древности, а живой диалог между человеком и бездной, который никогда не завершится.

От автора:

Все рисунки в данной книге выполнены с использованием технологий искусственного интеллекта (ChatGPT/OpenAI). Изображения созданы специально для данного издания и используются в соответствии с условиями коммерческого использования OpenAI.

Глава 1. Земля обетованная и звёздное небо над ней: географический и небесный горизонт древнего Ханаана

Тот, кто сегодня идёт по холмистым дорогам Галилеи или спускается к Мёртвому морю, видит небо почти таким же, каким оно было три с половиной тысячи лет назад. Разве что свет больших городов чуть размывает Млечный Путь, да самолёты чертят белые линии там, где когда-то пролетали лишь орлы да, может статься, ангелы. Но если отойти от поселений, если лечь на сухую землю у подножия горы Кармель или на плоской крыше старого дома в Хевроне, то ночное величие открывается во всей своей пугающей полноте: россыпь звёзд, густая до дрожи, и среди них — медленные странники, планеты, которые не замирают на месте, а бродят по зодиакальному поясу, как пастухи, отставшие от стада. Именно это небо, именно этот горизонт стал первым учебником для народа, который ещё не называл себя Израилем, но уже носил в своей памяти имена праотцев и обещание земли, текущей молоком и мёдом.

Ханаан — так называлась эта узкая полоса между Средиземным морем и пустыней, между Египтом и Месопотамией.

ей, между великими реками и великими песками. Место, где климат жесток и щедр одновременно: дожди идут только в определённые месяцы, лето выжигает всё до жёлтой колючки, а весной земля взрывается зеленью, которую не успеваешь окинуть взглядом. Но именно такая резкая смена сезонов заставляла человека вглядываться в небо с особой тревогой: когда начнутся дожди? когда можно сеять? когда нужно убирать урожай? И если над Египтом разлив Нила был предсказуем, как восход Сириуса, то в Ханаане всё зависело от тучи, которая могла прийти, а могла и не прийти, и от ветра, который был то западным, влажным, то восточным, иссушающим. Земледельцы, пастухи, торговцы — все они смотрели вверх, но видели там не просто погоду. Они видели знаки, письма, угрозы и обещания.

Рисунок. Распространение древних иудеев времен первых переселенцев в Ханаане

В те времена, во втором тысячелетии до нашей эры, Ханаан не был пустым. Здесь жили ханаанеи, амореи, филистимляне, хетты — множество племён и народов, у каждого свои боги, свои храмы на высоких местах, свои обряды. И все они строили свои святилища с таким расчётом, чтобы проёмы ворот или алтари смотрели на восход Солнца в день Солнцестояния или равноденствия. Археологи находят в Мегиддо, в Гезере, в Араде каменные круги и жертвенники, ориентированные по кардинальным точкам. Это не случайность: че-

людей древности знал, что небо — это не просто купол, а механизм, который можно измерить, если быть внимательным. И хотя до нас не дошло ни одного ханаанского трактата по астрономии, следы их наблюдений остались в архитектуре, в керамике, в ритуальных предметах. Например, знаменитая табличка из Гезера с календарём земледельческих работ — это не только список месяцев, но и попытка привязать сезон к положению светил. «Два месяца сбора оливы», «два месяца сева», «месяц жатвы ячменя» — всё это диктовалось движением Солнца по эклиптике, хотя сами ханаанеи вряд ли знали такое слово.

Но для нас важно другое: именно в этом котле цивилизаций, на этих склонах и равнинах, формировались первые космологические интуиции будущего Израиля. Патриархи — Авраам, Исаак, Иаков — не были отшельниками в пустой степи. Они жили среди ханаанских городов, торговали с ними, иногда воевали, но неизменно смотрели на те же звёзды. И вот что любопытно: когда Всевышний говорит Аврааму: «Посмотри на небо и сосчитай звёзды, если сможешь их сосчитать», это не просто метафора множества потомства. Это приглашение к астрономическому акту. Авраам должен был знать, что звёзды можно пересчитать? Нет, он должен был почувствовать их бесконечность. Но также он должен был понять, что каждая звезда имеет своё место, свой порядок, свою волю, которая подчинена единому Творцу. И этот жест — взгляд вверх — становится решающим для всей биб-

лейской теологии: небеса не божественны, они сотворены. Они не управляют судьбой, они лишь указывают на Того, Кто управляет всем.

Однако между этим библейским монотеизмом и древними ханаанскими культами лежит пропасть, но пропасть не абсолютная. Ханаанеи почитали Шепеша — богиню Солнца, и Яриха — бога Луны, а также Аштарет — богиню утренней звезды. Эти светила были для них живыми существами, которые рождались, умирали, вступали в браки и вели войны. В угаритских текстах, найденных на севере Сирии, мы читаем о том, как богиня Шапаш освещает подземный мир, как Ярих рождается у отца своего, как звёзды — это воинство, которое сопровождает высших богов. И когда еврейские пророки позднее будут яростно обличать поклонение «воинству небесному», они будут иметь в виду именно эту, ханаанскую, картину мира, где каждое светило — это личный бог, требующий жертв и повиновения. Но даже в этой борьбе Израиль не мог полностью отбросить само наблюдение. Он лишь переиначил его смысл: звёзды — не боги, а создания, которые славят Творца псалмами, которых Творец пересчитывает по именам (Псалом 147:4). И в этом переломе, в этом переопределении, заключена вся космологическая драма.

Попробуем представить себе обычный день жителя Ханаана времён Судей или ранней монархии. Он встаёт до рассвета, потому что утренняя прохлада — лучшее время для

работы. Он видит, как восток начинает светлеть, и знает: где-то за горами Моава Солнце поднимается из-за края земли. Он не думает о шарообразности планеты — для него земля плоская, как лепёшка, накрытая твердью, как медный купол. Он слышал от старейшин, что над твердью есть воды, которые иногда проливаются дождём, а иногда задерживаются. Но это знание — не продукт абстрактной философии, а результат каждодневного опыта: он видит, как тучи собираются на западе, как ветер гонит их к востоку, как дождь барабанит по сухой земле — и он связывает это с волей небесного Владыки. Но также он замечает, что дожди приходят всегда в одно и то же время, если год нормальный, и что это время совпадает с тем моментом, когда Солнце проходит через определённые звёзды. Так рождается календарь — не отвлечённая таблица, а жизненная необходимость.

В Ханаане, как и во всём древнем мире, календарь был лунно-солнечным. Месяц начинался с новолуния, когда тонкий серп появлялся на вечернем небе. Это событие праздновали, потому что оно означало обновление, возвращение света из тьмы. Но чтобы земледельческий цикл не сбивался, время от времени приходилось вставлять добавочный месяц — и вот здесь начиналась астрономия в строгом смысле. Кто решал, когда вставлять месяц? Сначала, вероятно, жрецы, которые следили за положением созвездий. Если ячмень ещё не выколосился к моменту, когда по лунному счёту наступала весна, они объявляли дополнительный месяц. Этот

метод, чисто эмпирический, требовал систематического наблюдения за восходами и заходами ярких звёзд — Плеяд, Ориона, Сириуса. И хотя нам не известно, как именно это делалось в Ханаане до вавилонского плена, косвенные данные из соседних культур позволяют восстановить картину. Например, в Угарите существовал ритуал, связанный с появлением звезды Атаргу (Венеры) в определённом созвездии, и этот ритуал регулировал жертвоприношения.

Но вернёмся к небу над Ханааном. Оно имело особый характер, потому что эта земля лежит примерно на 32-й параллели северной широты. Это значит, что Полярная звезда здесь видна почти в зените, а Южный Крест уже не поднимается над горизонтом. Но зато хорошо видны все планеты — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн — и их перемещения среди неподвижных звёзд были заметны даже невооружённым глазом. Особенно Венера, которая ярко сияет то вечером, то утром, как двуликое божество. В ханаанской мифологии она была Астартой, богиней любви и войны, и её появление на небе связывали с судьбой царей и битвами. Когда еврейский народ начинал формировать свою уникальную теологию, он должен был либо демонизировать эту планету, либо переосмыслить её — и мы видим оба подхода в разных слоях традиции. В книге пророка Исаии падение царя вавилонского сравнивается с падением «денницы, сына зари» (Ис 14:12), что является прямым намёком на Венеру как на божество, низвергнутое с небес. Так космический

объект становится символом гордыни и наказания.

Но самым важным для людей того времени было Солнце. Оно давало свет, тепло, жизнь — и, как всякий жизненно важный объект, обожествлялось всеми соседями. В Ханаане солнечное божество Шепеш, возможно, почиталось на вершинах гор, где устраивали святилища бама. И даже после того, как Израиль утвердил единобожие, народные массы с трудом отказывались от почитания Солнца. Пророки постоянно обличают «кланяющихся на крышах воинству небесному» (Соф 1:5), а царь Иосия, проводя реформы, разрушает колесницы Солнца и коней, посвящённых этому светилу (4 Цар 23:11). Эти свидетельства показывают, что астрономические объекты были вовсе не отвлечёнными шарами, а могущественными участниками повседневной религиозной жизни. И в этом смысле космология была не наукой о расстояниях и массах, а наукой о могуществе, о страхе, о надежде.

Что же касается Луны, то она занимала особое место. Её цикл — 29 с половиной дней — был главным мерилom времени для всех семитских народов. Имя «Иерихон» (Ярихо) происходит от имени бога Луны Яриха, и это говорит о том, что культ Луны был особенно силён в этих местах. Для еврейских мудрецов Луна станет символом общины Израиля, которая убывает и возрастает, которая иногда затемняется грехами, но обязательно снова засияет. Но это понимание придёт позже, через века. В ранний период, в бронзовом веке, Луна была просто часовой стрелкой, по которой люди

сверяли свою жизнь. И когда Библия говорит о том, что Бог создал «два великих светила» — Солнце для управления днём и Луну для управления ночью — это не просто поэтическое украшение. Это конституционный акт: светила назначаются «правителями», но не самовластными, а подотчётными Творцу. И эта мысль, если вдуматься, революционна для того времени: небесные тела не являются автономными богами, они — чиновники, которые выполняют поручение.

Археология раскрывает нам ещё один пласт: ханаанские города были построены с учётом астрономических ориентиров. Ворота Мегиддо обращены к восходу Солнца в день летнего Солнцестояния, а в храме Ахера в Телль-Дан были найдены каменные стелы, расположенные так, чтобы отбрасывать тени в определённые дни. Это говорит о том, что существовала некая жреческая наука, которая передавалась устно из поколения в поколение. Еврейские священники, левиты, несомненно, были знакомы с этими традициями, но они трансформировали их: вместо того, чтобы поклоняться светилам, они использовали их как средство для вычисления праздников. И это различие — между поклонением и вычислением — станет фундаментом всей дальнейшей еврейской астрономии. Мы увидим, как в талмудических дискуссиях рабби будут яростно спорить о моменте новолуния, но при этом они никогда не назовут Луну богиней. Для них она — творение, которое подчиняется законам, установленным в начале времён.

Однако не будем забегать вперёд. Нам важно зафиксировать тот момент, когда народ ещё не имел письменного свода законов, ещё не построил Храм, ещё кочевал между колодцами и пастбищами. Их космос был не системой, а набором впечатлений, страхов и надежд. Они видели падающие звёзды и думали о душах умерших. Они видели кометы и думали о голоде или войне. Они видели радугу и вспоминали завет с Ноем. И все эти явления не были для них «природными» в нашем смысле — они были знаками, которые требовали прочтения. И именно эта способность читать небо, истолковывать его движения, вплетать их в ткань повседневности и станет тем семенем, из которого вырастет уникальная еврейская космологическая традиция. Не как научная дисциплина среди других, а как способ бытия в мире, где небо говорит, а земля слушает.

Земля Ханаана, её холмы и долины, её засухи и ливни, её звёздные ночи и огненные закаты — всё это работало как огромная обсерватория, открытая для каждого, кто умел смотреть. И смотреть учили не в школах, а в семьях, у костров, во время долгих переходов. Когда Авраам выходил из шатра ночью и ему говорили: «Посмотри на звёзды», он не мог не заметить, что одни звёзды ярче, другие тусклее, одни неподвижны, другие движутся. Он не знал, что Млечный Путь — это наша галактика, но он знал, что есть «небесное воинство» — слово, которое подразумевает порядок, иерархию, подчинение. Именно этот порядок, увиденный в небе,

становится для него доказательством того, что мир не случаен, что у него есть Хозяин. И хотя для нас, людей XXI века, этот аргумент может казаться наивным, для древнего человека он был непреложным: там, где есть часы, должен быть часовщик. А небо было самыми грандиозными часами, какие только мог видеть человек.

Итак, первая встреча с космосом в иудаизме происходит не в кабинете учёного, а на открытом воздухе, среди оливковых рощ и виноградников, под шум ветра и крик шакалов. Это встреча человека, который ещё не отделяет себя от природы, но уже чувствует себя призванным отличать Создателя от творения. И эта встреча навсегда определит тон всей последующей традиции: в ней будет место и точному расчёту, и поэтическому полёту, и суровой полемике с идолопоклонством, и тихому восторгу перед бесконечностью. Мы не найдём в библейских текстах систематического изложения астрономии, но мы найдём её живой нерв — и этот нерв бьётся в каждой главе, в каждом псалме, в каждом пророческом обличении. Земля обетованная и звёздное небо над ней — вот два полюса, между которыми разворачивается всё действие. Один полюс — это дом, данный в наследие, другой — это завет, обещанный навечно. И между ними — человек, который должен научиться видеть в небе не судьбу, а волю, и в земле — не просто территорию, а испытание.

Теперь, когда мы установили этот географический и культурный горизонт, мы можем двинуться дальше — к тем

письменным источникам, которые сохранили для нас первые шаги еврейского взгляда на Вселенную. Но прежде чем перелистнуть страницу, стоит ещё раз задержаться на одном образе: пастух, лежащий ночью на склоне, смотрит вверх. Он видит бесконечное множество точек света. И он начинает считать — не потому, что хочет проверить, можно ли их сосчитать, а потому, что счёт есть начало осмысления. Сосчитав, он начинает различать. Различив, он начинает давать имена. Дав имена, он начинает рассказывать истории. И из этих историй, из этого счёта, из этого различения и рождается та сложная, противоречивая, захватывающая ткань, которую мы называем космологией иудаизма. Она не могла родиться в другом месте, кроме как здесь — на этой земле, под этим небом, в этой точке пересечения всех караванных путей древнего мира. И она не могла родиться в другое время — когда империи поднимались и падали, когда письменность только входила в обиход, когда богов было столько же, сколько городов. В этом хаосе, в этом столпотворении народов и вер, выделился голос, который сказал: «В начале сотворил Бог небо и землю». И с этого слова, простого и всеобъемлющего, начинается наше путешествие.

Глава 2. Между Евфратом и Иорданом: как среда обитания формировала первые представления о мироздании

Представьте себе человека, который никогда не видел моря. Он родился в глубине материка, где горизонт замкнут холмами, а река, если и есть, то неширокая и спокойная. Для него мир имеет границы, и эти границы — видимые, осязаемые, они там, где небо смыкается с землёй за дальней грядой. А теперь представьте человека, который живёт в устье великой реки, где вода смешивается с солёной бездной, где горизонт теряется в дымке и где небо кажется таким же бескрайним, как и море. У этих двух людей будут совершенно разные представления о том, что такое мир, где он кончается и есть ли у него край. Еврейский народ, формировавшийся между Евфратом и Иорданом, между двумя великими речными системами, между пустыней и морем, оказался в уникальной географической точке, где все эти впечатления смешались, создав космологию, которая впитала в себя и месопотамскую упорядоченность, и египетскую цикличность, и пустынную безбрежность. Но чтобы понять эту космологию, нужно сначала почувствовать землю под ногами — её запа-

хи, её температуру, её способность быть то матерью, то мачехой.

Между Евфратом и Иорданом лежит не просто территория — это мост между двумя очагами цивилизации, между Шумером и Египтом, между Аккадом и Ханааном. Здесь проходили древнейшие торговые пути, здесь сталкивались армии, здесь смешивались языки и боги. Но самое важное, что здесь, на этой узкой полосе, человек никогда не мог чувствовать себя полностью защищённым. Пустыня с востока дышала жаром и сухостью, море с запада приносило влагу, но также и штормы, а реки — Иордан, Ярмук, Киссон — были то полноводными, то пересыхали до ручьёв. Эта нестабильность, эта непредсказуемость природы заставляла людей искать устойчивость не в земле, а в небе. Потому что, в отличие от земли, небо было постоянным — Солнце восходило и заходило каждый день, луна проходила свои фазы с неумолимой точностью, звёзды не меняли своего положения веками. Иными словами, если земля была полна хаоса и неожиданностей, то небо являлось образцом порядка. И этот порядок был для древнего человека доказательством того, что существует высший закон, который не отменяется ни засухой, ни наводнением.

Мы должны отдать себе отчёт, что для жителя Междуречья, для шумера или вавилонянина, небо было не просто куполом — это был план, чертёж, по которому можно было прочесть волю богов. Евреи, выйдя из Ура Халдейского, из

этого самого Междуречья, несли в своей памяти весь этот багаж. Они знали, что есть созвездия, которые называются «Вол» и «Лев», что есть планеты, которые бродят по особым путям, что есть затмения, которые предвещают гибель царей. Но когда они пришли в Ханаан, они встретили другую традицию — более земную, более связанную с сельскохозяйственным циклом, где главными богами были Ваал, хозяин дождя и грозы, и Астарта, хозяйка плодородия. Здесь небо воспринималось не как абстрактный чертёж, а как непосредственный поставщик влаги, как мужское начало, оплодотворяющее женскую землю. И этот синтез — вавилонская наблюдательная астрономия и ханаанская природная мифология — стал тем горнилом, в котором ковалась еврейская космологическая мысль.

Возьмём, к примеру, понятие «небесные воды». В месопотамском эпосе «Энума элиш» мир создаётся из двух первоначальных вод — пресной и солёной, Апсу и Тиамат. Из их слияния и борьбы рождаются боги, а потом из тела Тиамат строится небо и земля. В еврейской книге Бытия мы видим отголосок этой идеи: «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Здесь тоже есть вода как первоматерия, но нет борьбы богов, нет кровавого мифа. Вода становится просто материалом, который Творец упорядочивает Своим словом. Но в то же время сохраняется древняя память о том, что над твердью есть воды — «воды, которые выше неба». И это представление

не было просто абстракцией: оно отражало реальный опыт человека, который видел, как дождь проливается сверху, и знал, что где-то там, наверху, есть огромный запас влаги, который периодически открывается. Этот образ «небесного океана» проходит через всю Библию и даже через талмудические дискуссии о том, откуда берётся дождь — из высших вод или из низших. И за этим спором стоит не просто наивная гидрология, а глубокое убеждение, что мир устроен как слоёный пирог, где каждый слой выполняет свою функцию.

Реки тоже сыграли свою роль. Евфрат и Тигр на востоке были символами цивилизации, порядка, градусов и письменности. Иордан же был скромнее, он не разливался так грандиозно, как Нил, но он был границей, рубежом, который нужно перейти, чтобы войти в обетованную землю. Переход через Иордан в книге Иисуса Навина — это событие космологического масштаба: воды расступаются, как когда-то расступилось Красное море. Это значит, что река не просто природный объект, а участник истории, союзник или противник в зависимости от воли Всевышнего. И когда еврейские дети спрашивали: «Что это за камни?», ответ всегда включал память о том, как вода превратилась в стену, как сухое дно стало дорогой. Таким образом, река становилась живым напоминанием о том, что законы природы не абсолютны, что Творец может их переменить, и это — краеугольный камень библейской космологии, которая никогда не была деистической: мир не предоставлен сам себе, он находится в посто-

янном диалоге с Создателем.

Но не одни реки формировали космическое сознание. Пустыня — та самая пустыня, где евреи бродили сорок лет, — оказала не меньшее влияние. Пустыня — это место, где человек лишён всех ориентиров. Нет ни городов, ни дорог, ни даже деревьев, которые можно было бы запомнить. Есть только песок, камни и небо. И в этой пустоте небо становится единственной картой: по звёздам определяют направление, по Солнцу — время, по Луне — календарь. Кочевник, живущий в пустыне, астроном поневоле, потому что иначе он погибнет. И когда библейский рассказ описывает странствия Израиля по Синаю, он не случайно включает такие детали, как столп облачный днём и столп огненный ночью. Это не просто чудесное сопровождение — это навигационные ориентиры, которые заменяют звёзды и Солнце, но в то же время указывают на то, что Сам Бог становится для народа путеводной звездой. Пустыня учит полагаться на небо, и эта выучка остаётся с человеком навсегда, даже когда он оседает в городах.

Климат также накладывал свой отпечаток. В земле Израиля два четко выраженных сезона: дождливый (с октября по апрель) и сухой (с мая по сентябрь). Переход от одного к другому резкий, почти драматический. Осенние дожди «йоре» и весенние «малькош» определяли судьбу урожая, а значит, и судьбу народа. Поэтому молитвы о дожде занимают центральное место в литургии, а праздник Суккот — это не про-

сто историческая память о куцах в пустыне, но и земледельческий праздник сбора урожая, который отмечается именно в тот момент, когда заканчивается жатва и начинается сезон дождей. И здесь мы снова видим, как космология переплетается с экономикой: небо даёт воду, земля даёт хлеб, человек молится — и все три элемента составляют единый круговорот, который нельзя разорвать. Если дожди запаздывают, это воспринимается как разрыв завета, как наказание; если они приходят вовремя, это знак благоволения. Так небо становится мерилom нравственного состояния общества, и эта идея пройдёт через всю пророческую литературу, где засуха и голод будут прямым следствием греха.

Сравним этот взгляд с египетским. В Египте Нил разливался предсказуемо, и эта предсказуемость породила веру в неизменный космический порядок — Маат, который поддерживается фараоном. Там небо было механизмом, который не знает сбоев, и потому религия была скорее ритуальной, чем нравственной. В Ханаане же дожди непредсказуемы, и потому отношения с небом становятся личными, драматическими, требующими постоянного внимания и покаяния. Еврейский Бог — это не далёкий часовщик, а Бог, Который «затворяет небо и не даёт дождя» (Второзаконие 11:17) и Который «откроет небо, чтобы дать дождь земле твоей вовремя» (Второзаконие 28:12). То есть, в отличие от египетского цикла, здесь нет автоматизма: дождь — это ответ на поведение народа, а не механическое следствие сезона. И это

коренное различие — быть может, самое важное для понимания еврейской космологии: небо не является часовым механизмом, оно является живым органом, который реагирует, гневается, милует.

Между Евфратом и Иорданом лежит ещё одна географическая особенность — Мёртвое море. Это место, где вода настолько солёная, что в ней ничего не живёт, и где воздух настолько плотный, что птицы падают замертво, если случайно залетают. Для древнего человека это была не просто аномалия, а врата в подземный мир, в Шеол. Окрестности Мёртвого моря, с их серными испарениями и асфальтовыми выходами, ассоциировались с гневом Божиим, с уничтожением Содома и Гоморры, с проклятием. И в этой геологии космология находит своё мрачное дополнение: если небо — это место света и порядка, то подземные глубины — это место тьмы и хаоса, куда уходят души умерших и куда иногда может извергнуться огонь и сера, как в День Суда. И эта вертикальная структура — небо-земля-преисподняя — будет сохраняться в еврейской мысли на протяжении тысяч лет, даже когда греческая философия предложит более сложные модели.

Но вернёмся к повседневности. Жизнь между Евфратом и Иорданом была жизнью на перекрёстке. Через эту землю проходили армии фараонов, ассирийских царей, вавилонских завоевателей. Каждая империя приносила свои небесные карты, своих богов, свои календари. И еврейский народ,

не имея политической силы, должен был выработать иммунитет к этим культурным вторжениям. Астрономия становилась полем битвы: если вавилонские жрецы утверждали, что судьба человека определяется положением планет при его рождении, то еврейские мудрецы отвечали: «Нет, звёзды не властны над Израилем, ибо Израиль находится выше звёзд». Это известное утверждение из Талмуда (Шаббат 156а) — не просто полемический выпад, а результат столетий наблюдений и размышлений. Как можно быть выше звёзд? Не буквально, конечно, а нравственно: судьба человека зависит не от космических сил, а от его поступков и от воли Божьей, которая может изменить приговор, «начертанный на небесах».

Здесь мы подходим к важнейшему аспекту: двойственность восприятия неба. С одной стороны, небо — это закон, регулярность, предсказуемость. Затмения, циклы, фазы — всё это можно вычислить, и еврейские учёные никогда этим не пренебрегали. С другой стороны, небо — это знак, символ, экран для проекции божественной воли, и эта воля не связана никаким законом, кроме собственного произвола. Эта двойственность, которая кажется нам противоречивой, для древнего человека была естественной: он мог одновременно верить в то, что завтра взойдёт Солнце, и молиться о том, чтобы оно вошло. Потому что между этими двумя вещами не было конфликта: Солнце взойдёт, потому что так установлено, но оно взойдёт с новым смыслом, как обновлённый акт творения каждый день. И эта мысль — что

каждое утро мир создаётся заново — станет одной из центральных в еврейской литургии: утренняя молитва «Йоцер ор» («Творящий свет») восхваляет Бога, Который «обновляет в благодати Своей каждый день деяние начала».

Среда обитания формирует не только представления о космосе, но и язык, на котором о нём говорят. В иврите слова, связанные с небом, имеют глубокие корни: «шам-им» (небо) обычно производят от «шам» (там) и «маим» (вода) — «там вода». Это этимология указывает на то, что для древнего ивритоговорящего человека небо было прежде всего резервуаром с водой. А «эрец» (земля) происходит от корня, означающего «бежать» или «быстро двигаться» — возможно, намёк на землю как на нечто текучее, нестабильное. И когда эти слова соединяются в первой фразе Библии, они создают образ не просто физического пространства, а двух противоборствующих стихий, которые нуждаются в примирении через творческий акт. Язык здесь не просто инструмент описания — он является носителем космологического кода, который будет передаваться из поколения в поколение, даже когда сами поколения будут далеки от первоначального географического контекста.

Но вернёмся к земле. Ханаанская почва — известняковая, пористая, быстро впитывает воду, поэтому дожди должны быть обильными, чтобы наполнить колодцы и источники. Засуха здесь наступает быстро и бывает жестокой. Это научило народ беречь воду, что отразилось в законах о ритуальной

чистоте, где вода играет центральную роль. Но также это научило народ смотреть на небо как на единственного поставщика живительной влаги. В Египте можно было положиться на Нил; в Междуречье — на искусственное орошение. В Ханаане же оставалось только молиться. И именно эта беспомощность перед природой породила самую мощную молитвенную традицию, которая когда-либо существовала. Каждая капля дождя воспринималась как прямое вмешательство Божества, и потому календарь, который регулировал молитвы о дожде, становился сакральным документом, сравнимым по важности с Торой.

Мы часто думаем о древних людях как о примитивных и суеверных, но это не совсем справедливо. Они были наблюдательны до такой степени, что могли по виду облаков предсказать погоду на несколько дней вперёд. Иисус, сын Сирахов, в своей книге мудрости пишет: «Кто верит в сны, тот бредит, кто верит в облака, тот не соберёт урожай» — но это не отрицание практической метеорологии, а предостережение против ложных надежд. Еврейский земледelec прекрасно знал, что утреннее покраснение неба сулит ветер, а вечернее — ясную погоду (это знание отражено в Новом Завете, где Иисус упрекает фарисеев за неумение распознавать «знамения времён»). Однако к этому практическому знанию примешивался религиозный смысл: небо говорит не только на языке погоды, но и на языке нравственных указаний.

Итак, между Евфратом и Иорданом сложился уникальный

тип человека: он был одновременно кочевником и земледельцем, воином и молитвенником, торговцем и учёным. Он знал звёзды, потому что они вели его по пустыне; он знал Луну, потому что она определяла его праздники; он знал Солнце, потому что оно давало ему время. Но он не обожествлял ни одно из этих светил, потому что его вера утверждала, что все они — творения, которые, как и он сам, находятся в руках Единого Творца. Эта позиция — не отрицание астрономии, а её сублимация. Еврейский взгляд на космос никогда не был антинаучным; он был трансцендентным, то есть всегда выходящим за пределы физического факта к факту божественного присутствия. И это отличие, возможно, самое важное из всех, что отличает иудаизм от соседних религий: в Вавилоне астрономия была жреческой тайной, в Египте — государственной религией, а в Израиле — она стала всенародным достоянием, доступным каждому пастуху, каждому крестьянину, потому что она была вписана в саму ткань их жизни, в их календарь, в их молитвы, в их ожидание дождя и благодарность за урожай.

Когда мы говорим о космологии иудаизма, мы не должны забывать, что она рождалась не в тиши библиотек, а среди шума рынков, крика ослов, топота военных колесниц и шелеста сухой травы. Она рождалась из конкретных потребностей: когда сеять, когда праздновать, когда поститься, когда радоваться. И эти потребности привели к тому, что даже самые абстрактные понятия — твердь, бездна, небесные вра-

та — имели осязаемые эквиваленты в повседневном опыте. Твердь — это то, что отделяет верхнюю воду от нижней; но это ещё и то, что напоминает о ковчеге Завета, который был покрыт золотой крышкой, между которой и престолом милости парил голос Всевышнего. Бездна — это не только глубина океана, но и глубина человеческой тоски, из которой Давид взывает к Богу. Небесные врата — это не только астрономические ворота, через которые входят и выходят светила, но и ворота молитвы, которые открываются для праведников.

Такая герменевтика, такая двуплановость любого космического понятия — это отличительная черта еврейской мысли. И она выросла из той земли, где человек никогда не мог позволить себе роскоши абстрактного мышления, потому что каждый абстрактный образ сразу же получал практическое или нравственное наполнение. Мы увидим, как эта традиция продолжается в Мидраше, где каждый стих о звёздах истолковывается как намёк на судьбу Израиля; мы увидим её в Талмуде, где спор о том, вращается ли Солнце вокруг Земли, ведётся с тем же пылом, что и спор о порядке молитвы. Но фундамент всего этого — та узкая полоса земли между двумя великими реками, где человек был достаточно близок к пустыне, чтобы бояться, и достаточно близок к морю, чтобы надеяться, и достаточно близок к небу, чтобы молиться.

Эта земля не давала человеку зазнаться. Каждые семь лет

земля должна была отдыхать — субботний год, шмита. Это был не только социальный закон, но и космический: земля, как и человек, имеет свой цикл, и она нуждается в восстановлении. И здесь мы видим, как календарь, который мы относим к астрономии, становится одновременно и агрономией, и этикой. Семилетний цикл шмиты, а за ним пятидесятилетний цикл юбилейного года — это не просто хронология, это ритм, который навязан самой природе, но который человек должен сознательно поддерживать, потому что без этого ритма мир приходит в дисгармонию. И когда еврейский закон предписывает, чтобы в юбилейный год возвращалась земля прежним владельцам, это не только социальная справедливость, но и исправление космического порядка, возвращение вещей к их исходному положению, как если бы вселенная перезагружалась.

Таким образом, между Евфратом и Иорданом сформировался народ, для которого небо не было молчаливым свидетелем, а было участником завета. Дождь, солнечный свет, смена фаз Луны — всё это становилось предметом разговора между человеком и Богом. И хотя внешние империи пытались навязать свои космологии — вавилонские, персидские, греческие, римские — еврейский народ каждый раз возвращался к своим истокам, к тому простому и великому утверждению, что «небо — небо Господу, а землю дал Он сынам человеческим». Это не означает, что евреи не интересовались небом; напротив, они интересовались им даже более

страстно, чем их соседи, потому что для них небо было не просто объектом, а указателем на высшую реальность, на Того, Кто находится над всем и во всём.

И когда мы сегодня пытаемся реконструировать эту космологию, мы должны с уважением относиться к её географическим корням. Невозможно понять, почему еврейский календарь начинается с месяца нисан, не зная, что в Ханаане именно в это время созревал ячмень. Невозможно понять, почему праздник Шавуот называется «праздником седмиц», не зная, что он приходится на окончание счёта омера, который напрямую связан с жатвой. И невозможно понять, почему новолуние праздновалось с таким размахом, не зная, что луна была единственным надёжным источником света в тёмные ночи, когда хищники выходили на охоту, а разбойники устраивали засады. Небо было щитом и защитой, и это придавало астрономическим наблюдениям экзистенциальную остроту.

Земля между Евфратом и Иорданом сегодня выглядит иначе: там, где были пустыни, теперь орошаемые поля; там, где были глиняные хижины, теперь каменные дома. Но ночное небо над этой землёй почти не изменилось. И если вы когда-нибудь окажетесь там, вдали от городских огней, и поднимете голову, вы увидите то же самое зрелище, которое видели патриархи и пророки. Вы увидите, как Сатурн медленно движется среди созвездий, как Венера сверкает перед рассветом, как Млечный Путь тянется от горизонта до горизон-

та. И, возможно, вы почувствуете, как это зрелище, увиденное в этом конкретном месте, между двумя великими реками, рождает не только восхищение, но и вопрос: что всё это значит? И этот вопрос, который задавали себе люди тысячелетия назад, остаётся нашим вопросом сегодня. И ответ на него, который вырабатывался в этих долинах и на этих холмах, до сих пор звучит в синагогах, в молитвах, в благословениях, которые мы произносим, глядя на новую Луну или на восход Солнца. Это и есть живая космология — не собрание теорий, а связь человека с небом, которая никогда не прерывалась, даже когда мы думали, что смотрим только на пустоту.

Глава 3. Кочевники и звездочёты: астрономические знания семитских племён до исхода из Египта

Когда мы произносим слово «кочевник», в сознании всплывает образ человека, который не имеет постоянного жилья, перегоняет скот с пастбища на пастбище, живёт в шатре и зависит от капризов погоды. Но кочевник — это не просто бродяга, это человек, который вынужден быть внимательным к мельчайшим деталям окружающего мира, потому что любая ошибка может стоить жизни стаду, а значит, и жизни всей семьи. И среди этих деталей, которые он замечает и запоминает, едва ли не первое место занимает небо. Кочевник, лишённый карт и дорожных знаков, ориентируется по Солнцу и звёздам; он знает, когда наступает сезон дождей, по положению Плеяд; он знает, когда пора перегонять скот в более тёплые места, по восходу Сириуса. И в этом смысле каждый кочевник — прирождённый астроном, хотя он сам никогда не назовёт себя этим словом. Семитские племена, которые в начале второго тысячелетия до нашей эры населяли обширные пространства от Сирийской пустыни до Аравийского полуострова, были именно такими кочевниками.

И их астрономические знания, хотя и не зафиксированные в систематических трактатах, были глубокими, практичными и, что самое важное, пронизанными мировоззренческими смыслами, которые впоследствии войдут в библейский текст.

До исхода из Египта, то есть до того момента, когда разрозненные семитские кланы сплотятся в единый народ под водительством Моисея, еврейские предки жили в среде, где небесные явления были частью повседневной рутины, но также и частью сакрального опыта. Они не знали математической астрономии вавилонян, они не строили обсерваторий, но они обладали тем, что мы назвали бы «эмпирической астрономией»: набором наблюдений, передаваемых из уст в уста, от отца к сыну, от деда к внуку. Эти наблюдения касались всего: от движения Солнца по эклиптике до периодических появлений комет, которые могли быть истолкованы как добрые или злые предзнаменования. Но, в отличие от соседних культур, у этих племён не было развитой жреческой касты, которая бы монополизировала знание о небе. Каждый глава рода, каждый старейшина был одновременно и пастухом, и хранителем традиции, и толкователем небесных знаков. Это демократическое распределение астрономического знания окажется потом важным фактором, когда Израиль станет народом Книги: каждый будет обязан знать календарь, каждый будет свидетелем новолуния.

Но что именно знали эти кочевники? Прежде всего, они

знали путь Солнца. Они видели, что оно встаёт не всегда в одной и той же точке на горизонте: зимой оно смещается к юго-востоку, летом к северо-востоку. Это смещение они связывали с изменением температуры, с тем, что одни пастбища зеленеют раньше других. И они дали этим точкам восхода названия, которые дошли до нас через библейскую географию: Бет-Эль — «дом Божий», но также и место, откуда виден восход Солнца в определённый день; Бет-Шеан, Бет-Хорон — все эти названия с корнем «бет» (дом) могут указывать на места, где проводились ритуалы, привязанные к солнечным циклам. Археологи обнаружили в Негеве каменные круги, так называемые «колесницы гигантов», которые служили, вероятно, как для погребальных обрядов, так и для астрономических наблюдений: расположение камней повторяет движение Солнца в дни Солнцестояний. Эти сооружения старше Исхода, они принадлежат кочевым культурам бронзового века, и еврейские патриархи, проходя через эти места, не могли не видеть их, не могли не задаваться вопросом: зачем древние люди складывали камни в такие круги? И ответ, который они давали, был ответом их собственной культуры: чтобы отмечать времена года, чтобы знать, когда наступает осень, когда весна, когда нужно идти в святилище.

Луну кочевники знали ещё лучше, чем Солнце. Потому что ночью, когда стадо успокаивается и шатры погружаются в тишину, пастух, несущий стражу, смотрит на Луну. Он видит, как она растёт от тонкого серпа до полного диска и затем

убывает, как она исчезает на несколько ночей, а потом появляется снова. Этот цикл из примерно тридцати дней был, вероятно, первой единицей времени, которую человек осознал независимо от смены дня и ночи. И для кочевника месячный цикл был не менее важен, чем годовой: он определял, когда животные приносят потомство, когда шерсть готова к стрижке, когда кочевать безопаснее (полная луна освещает путь, новолуние даёт темноту, в которой прячутся хищники). Но также лунный цикл обретал религиозное значение: новолуние становилось моментом обновления, очищения, начала нового этапа. И хотя мы не знаем точно, какие обряды совершали семитские кочевники в новолуние до Моисеева закона, можно предположить, что это был день общего собрания, жертвоприношения и воздержания от некоторых видов работ. В книге Чисел, которая фиксирует более позднюю традицию, мы видим, что в новолуние приносили особые жертвы, и это указывает на древний обычай, уходящий корнями в кочевую старину.

Звёзды для кочевника были не только ориентирами, но и сюжетами. Он видел в скоплениях звёзд фигуры, которые напоминали ему животных, героев или события. Созвездие Ориона, которое мы называем Охотником, в древней семитской традиции могло быть связано с библейским персонажем Нимродом, «сильным охотником перед Господом»; Плеяды (Кима в иврите) упоминаются в книге Иова как «связь Кимы» — загадочное выражение, которое, вероятно, означа-

ет прочную связь этих звёзд друг с другом. Но кочевник не просто давал им имена — он приписывал им влияние на его жизнь. Если Плеяды были видны на рассвете в начале осени, это означало, что пришло время дождей; если они появлялись на закате весной, начинался сезон сбора стад. Таким образом, звёзды становились не просто светящимися точками, а календарными метками, без которых невозможно было вести хозяйство.

Однако кочевая астрономия не была чисто утилитарной. Она была пронизана страхом и трепетом. Небо казалось огромным, живым существом, которое дышит, гневается, плачет. Метеоритные дожди — «падающие звёзды» — воспринимались как слёзы ангелов или как падение мятежных духов. Кометы с их огненными хвостами были предвестниками катастроф, и старейшины собирались вокруг костра, чтобы истолковать их значение. Мы не должны думать, что эти люди были примитивными суеверными дураками; они были просто людьми, которые не разделяли науку и религию, потому что для них всё было единым опытом. Молния, гром, затмение — всё это был голос Небесного Владыки, и этот голос нужно было уметь слышать и правильно на него отвечать. Ответ мог быть жертвой, мог быть молитвой, мог быть изменением маршрута или отказом от войны.

И здесь мы сталкиваемся с тем, что можно назвать «прото-богословием неба». Семитские племена, из которых вышел Израиль, не были монотеистами в строгом смысле; они

верили во множество духов, сил и божеств, которые населяли небо. Но уже тогда у них была интуиция, что над всеми этими силами есть некий Верховный Владыка, которого они называли Эль — «Бог». Этот Эль был творцом неба и земли, он был старшим среди богов, но не единственным. Авраам, выходя из Ура Халдейского, нёс с собой веру в этого Эля, но его заслуга была в том, что он решил, что Эль — это не просто первый среди равных, а единственный, абсолютный, и что все остальные божества — лишь тени, слуги или иллюзии. Это революционное решение, которое произошло до Исхода, до Синая, до Торы, наложило отпечаток на всю дальнейшую космологию. Небо перестало быть пантеоном, где спорят боги; оно стало единым творением единого Творца. Но это не означало, что звёзды потеряли своё значение. Напротив, они приобрели новое: они стали свидетелями завета, воинством, которое исполняет приказы своего Командира.

В кочевой среде, где не было письменности или она была очень ограниченной, астрономические знания передавались через поэзию. Песни, которые пели у костра, содержали в себе астрономические образы: «Восходит Солнце, и заходит, и спешит к месту своему, где оно восходит» — эта мысль из Книги Екклезиаста отражает древнее наблюдение, что путь Солнца всегда возвращается, что оно никогда не уходит за пределы своего круга. Подобные песни были и до Екклезиаста; они были частью устной традиции, и они помогали за-

помнить, как устроен мир. Ребёнок, слушая песню о том, как Солнце «выходит из брачного чертога своего» (Псалом 19), получал не только поэтическое наслаждение, но и астрономическую информацию: Солнце проходит по небу от одного края до другого, и от жара его ничто не укрыто. Это и есть космология, переданная через метафору, но метафора эта точна по существу.

До Исхода еврейские предки были также знакомы с египетской астрономией, потому что они жили в Египте на протяжении нескольких поколений. Но этот опыт мы рассмотрим отдельно в следующей главе. Здесь же важно подчеркнуть, что их собственное наследие — кочевое, пустынное — дало им ту основу, на которой потом строились все дальнейшие построения. Они научились видеть в небе не хаос, а порядок, и этот порядок был для них более надёжным, чем порядок человеческий. Царь может умереть, империя может рухнуть, но восход Солнца неизменен. И этот контраст между человеческой нестабильностью и небесной стабильностью породил у них глубокое уважение к законам природы, которые они воспринимали как законы Божественного установления.

Интересно, что кочевники, несмотря на свою простоту, умели измерять время не только в днях и месяцах, но и в более крупных единицах. Они знали, что есть «субботние» циклы — седмицы, которые, вероятно, были связаны с фазами Луны (четыре фазы по семь дней). Этот семидневный

цикл, который стал универсальным для еврейского народа, возможно, имеет кочевое происхождение: семь дней — это время между появлением серпа новой луны и первой четвертью, или между полнолунием и последней четвертью. Кочевник, который считал дни до следующей фазы, естественным образом приходил к числу семь, и это число становилось священным. Суббота, как день покоя, появляется уже в книге Бытия, но практика её соблюдения, вероятно, была известна до Моисея, как древний обычай останавливаться на седьмой день, чтобы дать отдых людям и скоту. Это была не просто гигиена труда, но и космический ритм: как Луна «отдыхает» в новолуние, когда её не видно, так и человек должен отдыхать, чтобы восстановить силы для нового цикла.

Кочевники также знали о планетах как о «блуждающих звёздах». Они видели, что среди неподвижного ковра созвездий есть пять ярких точек, которые меняют своё положение, причём иногда они движутся прямо, иногда останавливаются, иногда даже идут вспять (петлеобразное движение, которое позже объяснят эпициклами). Эти планеты — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн — были объектами особого внимания. Они не были столь предсказуемы, как Солнце и Луна, и потому их связывали с переменами в судьбе, с войнами, со смертью царей. Но в кочевом мировоззрении планеты не были богами в полном смысле, скорее, они были «посланниками» или «вестниками» высших сил. И когда вавилонская астрология позже попытается взять их под

контроль, еврейская традиция будет сопротивляться этому, утверждая, что планеты — не господа, а слуги, и что их движение подчинено воле Единого, которая не может быть вычислена по звёздам.

Одним из ключевых астрономических объектов для кочевников был Млечный Путь. В безлунную ночь, когда небо особенно тёмное, эта светящаяся полоса производила неизгладимое впечатление. Её называли «Небесной рекой» или «Путем Бога». Кочевники думали, что это след от колесниц ангелов или дорога, по которой души праведников поднимаются к небесному престолу. Это не было научным знанием, но это было космологическим образом, который питал воображение и придавал небу дополнительную глубину. И когда в библейской поэзии упоминается «слово Бога, текущее как река», возможно, здесь есть отголосок этого образа Млечно-го Пути, по которому текут божественные повеления.

Сезонные изменения, связанные с Солнцестояниями и равноденствиями, также были хорошо известны. Кочевники замечали, что есть дни, когда Солнце стоит на месте — «замирает» на несколько дней в своём крайнем положении. Это явление они связывали с поворотом года, с моментом, когда Бог «останавливает» Солнце, как в знаменитом эпизоде с Иисусом Навином, хотя исторически этот рассказ отражает более позднюю легенду, но корни её — в древнем наблюдении за Солнцестоянием, когда Солнце действительно как будто задерживается в своей точке восхода в течение

нескольких дней. Такие наблюдения закреплялись в ритуалах: в дни Солнцестояний могли быть особые жертвы или посты, чтобы «помочь» Солнцу повернуть обратно, хотя иудаизм позднее отвергнет магический смысл таких действий, оставив лишь благодарность за возвращение света.

Но самое важное, что кочевая астрономия дала будущему Израилю, — это идея «небесного чертежа». Когда они смотрели на небо, они видели не только светила, но и связи между ними. Они видели, что планеты и звёзды расположены по определённому образцу, что есть пустоты и скопления, что есть иерархия яркости. И этот образец, этот чертёж, они переносили на земную жизнь: как небо упорядочено, так должна быть упорядочена и община. Старейшины — это яркие звёзды, простые люди — тусклые, но все вместе они составляют одно воинство, которое служит Единому Царю. Эта метафора станет одной из самых устойчивых в еврейской мысли: народ Израиля — это «звёзды», которые обещаны Аврааму, и каждый человек в нём — звезда, которая сияет своим светом, но все вместе они образуют галактику, которая отражает свет Творца.

Таким образом, до исхода из Египта семитские племена имели не просто набор практических сведений о погоде и навигации, но и целостное мировоззрение, где небо играло центральную роль. Они не были учёными, но они были мыслителями, которые задавали себе вопросы: почему светила движутся так, а не иначе? что за сила управляет их движе-

нием? как мне, человеку, вписаться в эту гармонию? Эти вопросы не получили письменного оформления до Моисея, но они жили в их песнях, в их обрядах, в их повседневных решениях. И когда на Синае будет дан закон, он придёт не на пустое место: он упадёт на подготовленную почву, уже удобренную веками ночных бдений и наблюдений за звёздами.

Мы не должны идеализировать кочевников — их знания были ограниченными, часто ошибочными по нашим меркам. Они не знали, что Земля круглая, что звёзды — это далёкие Солнца, что планеты обращаются вокруг Солнца. Но их ошибки, если это были ошибки, были ошибками мудрых людей, которые строили свою картину мира из того, что видели собственными глазами. И эта картина мира, включавшая плоскую Землю под куполом тверди, была для них столь же убедительной, как для нас — теория относительности. Важно другое: они осознавали себя частью этого мира, ответственными за него, призванными к диалогу с его Создателем. И это сознание не утратилось даже тогда, когда они оставили шатры и поселились в городах, даже когда они построили Храм, даже когда они были уведены в плен. Оно осталось с ними, потому что оно было выстрадано в пустыне, где каждая ночь напоминала о том, что человек не хозяин вселенной, но он не и раб — он её партнёр в деле творения.

И когда мы сегодня изучаем кочевую астрономию семитских племён, мы смотрим не на мёртвые останки, а на живой корень. Мы видим, как из этих простых начал выраста-

ет сложная система талмудической хронологии, как из наблюдения за Луной рождается сложнейший календарь, который до сих пор определяет жизнь миллионов людей. Мы видим, как страх перед кометами превращается в запрет на астрологию, но также в разрешение использовать астрономию для священных целей. Мы видим, как кочевой опыт «блуждания» становится метафорой для всей еврейской истории: народ, который идёт к своей цели, ведомый не картой, а живым указателем, который движется в небесах, как облачный столп днём и огненный ночью. И в этом смысле кочевник никогда не уходит из еврейской души: он всегда готов сняться с места, всегда готов идти за звездой, всегда готов пересмотреть свои представления о мире, если этого требует небо. Эта подвижность, эта открытость новому знанию — тоже часть кочевого наследия, и она позволит еврейской астрономии впитывать в себя лучшие достижения других культур, не теряя своей уникальной связи с землёй предков и с Тем, Кто создал эту землю и небо.

Глава 4. Египетское пленение и небесная наука: чему научились евреи у строителей пирамид

Четыреста тридцать лет, проведённых в Египте, были для еврейского народа не просто периодом рабства и страданий, но и временем невольного, но интенсивного обучения. Египетская цивилизация, достигшая к тому времени невероятной высоты, была цивилизацией камня, Солнца и вечного порядка. Её астрономия была вписана в гигантские мону-менты, которые до сих пор стоят, как застывшие вопросы; её космология была разлита в ритуалах, текстах и повседневной жизни. И когда потомки Иакова, пастухи и кочевники, попали в эту каменную клетку, они были вынуждены столкнуться с системой мышления, которая была диаметрально противоположна их собственной. Египетское время было циклическим, оно вращалось вокруг разлива Нила, вокруг восхода Сириуса, вокруг вечного возвращения одного и того же порядка. Еврейское время, только зарождавшееся как понятие, было линейным, оно вело куда-то — к обетованной земле, к завету, к конечной цели. Столкновение этих двух космологий, двух темпоральностей, двух способов видеть небо, оказалось драматическим и плодотворным одновременно, и оно оставило неизгладимый след в еврейской мысли, который мы

можем проследить вплоть до сегодняшнего дня.

Когда евреи пришли в Египет во времена Иосифа, они за-
стали страну, где астрономия уже была государственным ин-
ститутотом. Жрецы, хранители знания, наблюдали за звёзда-
ми из башен храмов; они знали, что разлив Нила начинает-
ся в тот момент, когда звезда Сотис (Сириус) появляется на
рассвете после семидесятидневного отсутствия. Это событие
совпадало с летним Солнцестоянием и было началом нового
года. Египтяне создали солнечный календарь из трёхсот ше-
стидесяти пяти дней, разделив год на три сезона по четыре
месяца — разлив, всход и засуха, — и это был один из самых
точных календарей древности, хотя и без учёта високосного
года, что приводило к постепенному сдвигу. Но для египтян
этот сдвиг не был проблемой, потому что они верили в веч-
ное повторение: если календарь сдвигался, значит, так было
угодно богам, и через тысячу лет всё вернётся на круги своя.
Эта идея космического цикла, где время не имеет направле-
ния, а только ритм, была для них естественной, как дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.